

УДК 339.92(5-012)

Р. В. Гулидов

ПРОЕКТ «ТУМАНГАН»: ВЫМЫСЕЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Поставлена проблема недооценки потенциала Расширенной Туманганской Инициативы (в прошлом — Программы развития района р. Туманной) как механизма многостороннего экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Сделана попытка раскрыть причины бытующего в политических, деловых и экспертных кругах страны неадекватного представления о Туманганском проекте, формой реализации которого и была запущенная под эгидой ПРООН в 1991 г. Программа развития района р. Туманной. На основе первоисточников воспроизведена хроника межправительственных консультаций на этапе становления программы в период 1990—1994 гг. Представлены первоначальная концепция проекта, возможные модели его реализации, уровни пространственной локализации проекта, стратегия регионального развития.

Проект «Туманган», Программа развития района р. Туманной, Расширенная Туманганская Инициатива, Программа развития ООН, региональное экономическое сотрудничество, Китай, Россия, КНДР, Северо-Восточная Азия.

Утверждения о необходимости укрепления роли России в Северо-Восточной Азии (СВА) и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), полноценной и взаимовыгодной интеграции в восточноазиатское экономическое

© Гулидов Р. В., 2012

Автор в 2009—2011 гг. занимал пост старшего сотрудника Секретариата Расширенной Туманганской Инициативы (РТИ) при Программе развития ООН (г. Пекин). В основу статьи легли доклады автора, сделанные на научно-практической конференции «Проект «Туманган»: история вопроса, текущее положение и потенциал» (25 февраля 2011 г., Владивосток) [33], заседании Ученого совета Института экономических исследований ДВО РАН (28 февраля 2011 г., Хабаровск) [9] и российском семинаре в рамках проекта по стратегической оценке перспектив развития РТИ (17 июня 2011 г., Владивосток) [45]. Ответственность за любые спорные утверждения и интерпретации событий прошлых лет лежит на совести автора. Положения и выводы статьи не обязательно отражают позицию Секретариата или правительства любой страны-участницы РТИ.

пространство и придание за счет этого мощного импульса развитию восточных районов страны уже давно стали общим местом в экспертных дискуссиях, научных изданиях и политических манифестах, посвященных стратегическому развитию как Сибири и Дальнего Востока, так и России в целом. Наряду с активно развиваемыми двусторонними связями с экономическими лидерами Восточной Азии российские власти также определяют в качестве важного приоритета сотрудничество в рамках региональных интеграционных объединений. На фоне усиливающейся взаимозависимости государств и динамично протекающих процессов глобализации и регионализации в мировой политике и экономике активизация российского участия в этих процессах, идущих в АТР, безусловно, имеет важное стратегическое значение. С экономической точки зрения, координация национальных политик в рамках региональных институтов многостороннего сотрудничества призвана дополнить выгоды от двусторонних взаимодействий эффективным механизмом производства региональных общественных благ¹.

Вместе с тем представляется, что политика России по участию в процессах азиатской интеграции необоснованно избирательна, не вполне сбалансирована и скоординирована по целям, географическим направлениям и формам. Первостепенное внимание высшего руководства страны явно отдается региональным группировкам широкой страновой представительности, охватывающим огромный географический ареал, как в случае 21 экономики, участвующей в АТЭС, и 18 стран-участниц (с 2011 г.) Восточноазиатского саммита, либо сотрудничеству со странами Юго-Восточной Азии (АСЕАН), значительно удаленными и слабо экономически связанными с Россией². В рамках этих форматов интеграции проблематика взаимодействия России с ее ближайшими соседями по АТР — странами СВА, в успехе торгово-экономического сотрудничества с которыми и принято видеть залог реализации планов и перспектив развития восточных районов России, погружается в более широкий, зачастую глобальный контекст и тем самым размывается

¹ Под *региональным общественным благом* понимается ресурс или услуга, выгоды от использования которых выходят за рамки национальных границ государства и распространяются на его соседей по региону. К их числу традиционно относят выгоды от совместных действий по защите окружающей среды; интеграции энергетической и транспортной инфраструктуры; обмена информацией, знаниями и технологиями; взаимного упрощения торговых процедур; повышения финансовой и экономической стабильности, укрепления национальной безопасности и пр. (см., напр.: [44; 60]).

² Выступая на совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами АТР (2 июля 2010 г., Хабаровск), Президент РФ Д. А. Медведев отметил, что «необходимо укреплять роль России в объединениях Азиатско-Тихоокеанского региона, а именно: в АТЭС, ШОС, АСЕАН, БРИК» [31]. Последнее прямо соответствует положениям Концепции внешней политики РФ и Внешнеэкономической стратегии РФ до 2020 г., где в части развития регионального сотрудничества в Азии также упоминаются только эти региональные объединения [7; 15]. Более того, Россия (как и США) объявила об официальном присоединении с 2011 г. к процессу Восточноазиатского саммита [29; 48].

либо вообще не присутствует в кооперационной повестке. Мало способствует продвижению интересов России в СВА и ее активная позиция в деятельности ШОС и БРИК(С), где в качестве стран-участниц из этого субрегиона фигурирует лишь Китай (и Монголия в статусе наблюдателя в ШОС).

На фоне объективных трудностей, имеющих на пути многостороннего сотрудничества с участием всех стран СВА, а также учитывая резкое в последние годы нарастание интеграционных процессов в треугольнике «Япония — Китай — Республика Корея»¹, думается, что российские власти в значительной мере недооценивают потенциал *Расширенной Туманганской Инициативы* — РТИ (*Greater Tumen Initiative* — GTI) как единственного в этом субрегионе Азии межправительственного механизма многостороннего экономического сотрудничества с участием России [23; 24]. РТИ не снискала политической поддержки на высшем политическом уровне, не вызывает исследовательского интереса со стороны отечественных научных организаций и экспертов, игнорируется российским бизнес-сообществом. По-видимому, одной из основных причин, обусловивших такое положение дел, является неадекватное представление об РТИ в общественном сознании, корни которого кроются в негативном, в лучшем случае — прохладном, отношении к проекту «Туманган» и воспринимаемой в качестве конкретной формы его реализации *Программе развития района р. Туманной* — ПРРТ (*Tumen River Area Development Programme* — TRADP), функционирующей под эгидой Программы развития ООН (ПРООН) с 1991 г. и преобразованной в РТИ в 2005 г.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «ТУМАНГАН»

На протяжении 1990-х гг. проект «Туманган», получивший свое наименование по корейскому названию реки *Туманной* (кит. — *Тумэньцзян*, мон. — *Тумэнгол*), протекающей вдоль самых южных границ Приморского края в месте, где сходятся границы трех государств — России, КНДР и Китая, являлся своеобразным символом и многообещающей «точкой роста»

¹ Инициированные в 1999 г. на подмостках ежегодных саммитов «АСЕАН+3» неформальные встречи глав государств Китая, Японии и Республики Корея постепенно переросли в полноценный механизм трехстороннего сотрудничества. В мае 2011 г. в Токио (Япония) состоялся 4-й саммит глав государств, где были подписаны соглашения о сотрудничестве в области обеспечения ядерной безопасности, развития возобновляемых источников энергии и энергоэффективности, предотвращения и ликвидации последствий стихийных бедствий. На предпоследнем саммите, прошедшем в мае 2010 г. в Джеджу (Республика Корея), были приняты 10-летняя комплексная программа сотрудничества («Видение трехстороннего сотрудничества — 2020») и Меморандум о создании Секретариата трехстороннего сотрудничества в Республике Корея в 2011 г. (подробнее: [49]). Кроме того, в мае 2010 г. начато совместное исследование коммерческой целесообразности заключения трехстороннего соглашения о свободной торговле, завершение которого планируется в 2012 г. [51].

регионального экономического сотрудничества в СВА. На этапе активного обсуждения проекта в 1990—1994 гг. и по инерции еще в течение нескольких лет о его предпосылках, проблемах, возможных выгодах и рисках для стран-участниц было опубликовано множество научных и полемических работ как отечественными (см., напр.: [1; 3; 5; 11; 16; 28]), так и зарубежными (см., напр.: [41; 46; 50; 53; 58; 71; 75]) политологами и экономистами.

Резкое ухудшение отношения большей части российского общества, в особенности жителей Дальнего Востока, к проекту «Туманган», по всей вероятности, произошло в 1995—1997 гг., когда в активную фазу вошли переговоры по демаркации российско-китайской границы в Приморском крае¹. Именно во время спора вокруг «территориальной проблемы», разгоревшегося между центральными властями (президент и МИД РФ) и краевой администрацией, ПРРТ была объявлена «китайским оплотом», якобы задуманной с целью отчуждения части российской территории и не сулившим для России (Приморья) никаких выгод [43, с. 23]. После окончательной демаркации границы в 1997 г. политический заказ на критику Туманганского проекта сошел на нет, однако негативный информационный фон тянется шлейфом за ПРРТ/РТИ и по сей день.

Изменение формата регионального сотрудничества в рамках ПРРТ, произошедшее в середине 1990-х гг., поначалу также находило свое отражение в публикациях российских экспертов [13; 18; 25; 32], однако потом, на рубеже XXI в., когда ПРРТ вступила в сложный этап организационных преобразований, а ее операционная деятельность и представительская активность резко пошли на спад, средства массовой информации и основная часть российского (и не только) экспертного сообщества утратили интерес к проекту «Туманган»². В последнее десятилетие, за редким исключением [30, с. 139—159], продолжались в основном воспроизводиться тезисы прошлых лет о сути и целях Туманганского проекта, интересах, выгодах и угрозах для стран-участниц в случае его реализации [4; 10; 34; 35]. В ряде обзорных публикаций на тему экономического сотрудничества в СВА и роли в нем России

¹ Согласно стартовым переговорным позициям китайской стороне должны были отойти 1500 га территории Приморского края, включая 300 га в Хасанском районе [12, с. 70]. Окончательный итог переговоров, завершившихся в 1997 г., носил в основном компромиссный характер: в Хасанском районе 140 га остались за РФ, 160 га отошли к КНР [12, с. 108—109].

² Заседания Консультативной комиссии (КК) — главного органа управления РТИ, действующего на уровне заместителей министра, традиционно игнорируются как высшими уполномоченными должностными лицами РФ, так и российскими СМИ. До последнего, 12-го, заседания КК, прошедшего в сентябре 2011 г. в Пхенчхане (Республика Корея) [17], замминистра экономического развития РФ (именно это министерство курирует ПРРТ/РТИ) в качестве главы российской делегации присутствовал лишь на 4-м заседании КК в Улан-Баторе в июне 1999 г. (!). Состоявшееся во Владивостоке в ноябре 2007 г. 9-е заседание КК хоть и было анонсировано рядом российских информационных агентств [22; 27; 36], не стало стимулом для повышения интереса к РТИ и переосмысления сложившихся в отечественных политических и экспертных кругах стереотипов в отношении Туманганского проекта.

ПРРТ/РТИ упоминается лишь вскользь [21], однако общим трендом стало простое игнорирование этого механизма региональной экономической кооперации¹. В результате насущные проблемы и противоречия многостороннего сотрудничества в формате ПРРТ/РТИ «выпали» из поля научного анализа и серьезных экспертных дискуссий, а общественная политико-экономическая мысль существенно отстала от реального хода эволюции проекта, находясь в идеологическом плену дискуссий начала — середины 1990-х гг.

Примечательно, что в отсутствие объективной информации об РТИ в прессе и научной литературе, а также при слабом информационном потоке из самих правительств стран-участниц и Туманганского Секретариата, различные «эксперты» от науки и публицисты стали в последние годы активно заполнять образовавшуюся нишу, «раскручивая» в своих многочисленных публикациях и выступлениях укоренившиеся стереотипы и фобии в отношении проекта «Туманган», обязанные своим возникновением периоду активных дебатов начала 1990-х гг. (см., напр.: [6; 8])². Таким образом, широкая общественность до сих пор пребывает в заблуждении относительно Туманганского проекта, а активизация российского участия в РТИ сдерживается неадекватным восприятием этого механизма регионального экономического сотрудничества в СВА в политических, деловых и экспертных кругах страны³.

Поскольку именно идеи, обсуждаемые на этапе становления программы, получили широкий общественный резонанс у нас в стране и за рубежом, в

¹ Здесь следует отметить, что и в зарубежных публикациях, в т. ч. и авторитетных изданиях, структура и деятельность РТИ не всегда освещаются достаточно адекватно реальной ситуации (см., напр.: [47]).

² Особо преуспел на этом поприще В. А. Гайкин, с. н. с. Института истории, этнографии и археологии народов Дальнего Востока ДВО РАН, который с завидной регулярностью публикуется в различных интернет-изданиях и участвует в конференциях практически с одним и тем же неизменным наукообразным сюжетом о Туманганском проекте, замешанным на пренебрежении фактическим ходом эволюции ПРРТ/РТИ, междисциплинарных теориях противостояния цивилизаций и ангажированных страшилках начала 90-х гг. При желании читатель без труда сможет найти в сети Интернет множество дублирующих друг друга работ этого историка, заявляющего, что ни много ни мало «трагедией для человечества может стать осуществление проекта» [8].

³ В вакууме свежих русскоязычных материалов об РТИ пагубную роль играет веб-сайт www.tumangan.ru, который является, по словам его создателя, «частным некоммерческим проектом, призванным дать всем интересующимся наиболее полную и объективную информацию (выделено автором) о текущем состоянии, истории развития и перспективах проекта «Туманган». Заявив о такой высокой общественной миссии, в действительности «благородный» создатель сайта попросту консолидировал находящиеся в открытом доступе в Интернете работы прошлых лет, посвященные Туманганскому проекту (не всегда с указанием источников), придав им тем самым псевдоактуальный статус. В результате сайт служит ровно противоположным целям, еще более препятствуя формированию объективной картины в отношении РТИ у широкой русскоязычной общественности. Все обзорные материалы сайта взяты из научных работ, датированных 1997—1998 гг. [2; 14; 26], а также одной газетной публикации 2007 г. [19], сделанной на основе аналитических материалов начала 90-х гг. Характерно, что на сайте даже не представлена информация о трех последних заседаниях Консультативной комиссии РТИ, состоявшихся в 2009—2011 гг.

значительной степени преопределивший сохраняющиеся до сих пор заблуждения в отношении ПРРТ/РТИ, автор попытался, насколько возможно достоверно, на основе первоисточников (протоколов заседаний и публикаций непосредственных участников событий) изложить ход и содержание межправительственных консультаций в формате ПРРТ в 1991—1994 гг. с тем, чтобы развеять многочисленные спекуляции и домыслы, окружающие ПРРТ/РТИ на протяжении всей его истории.

РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ПРОЕКТА «ТУМАНГАН»

Считается, что важное геополитическое и военно-стратегическое значение района р. Туманной в регионе СВА — в качестве коридора из Маньчжурии в Японское море и для контроля северных входов на Корейский полуостров — было сформулировано еще в секретном докладе по вопросам внешней политики Японии, представленном премьер-министром, генералом Танака Гиити японскому императору в 1927 г. («Меморандум Танака») [20]. В 1920—1930-х гг. через этот район лежали пути японской колонизации Маньчжурии, в 1938 г. здесь на оз. Хасан произошло столкновение между Квантунской армией и советскими войсками, а в начале 1950-х гг. район стал одним из участков боевых действий во время Корейской войны. После ухудшения российско-китайских отношений в 1960-х гг. власти основательно укрепили и фактически закрыли государственные границы в районе р. Туманной, изолировав тем самым этот район на долгие годы от внешних контактов (см., напр.: [12; 69]).

В конце 1980-х гг. с изменением политико-экономического климата в СВА район р. Туманной стал вновь привлекать к себе внимание уже в связи с перспективами регионального развития и международного экономического сотрудничества. В этом контексте на международной научной конференции, состоявшейся в Чаньчуне (КНР) в июле 1990 г., организованной Центром «Восток — Запад» (Гонолулу, США), ПРООН и Азиатско-Тихоокеанским институтом (Чанчунь), президент этого института проф. Дин Шичен выдвинул концепцию «Золотого треугольника» в дельте р. Туманной как совместной зоны интенсивного хозяйственного освоения на стыке границ КНДР, КНР и Советского Союза [67]¹. Участники конференции обратились к ПРООН за

¹ Принимая во внимание особенности жестко иерархической системы государственного управления КНР и аффилированность института с Государственной научно-технологической комиссией провинции Цзилинь, которую (комиссию) и возглавил Дин Шичен спустя пару лет, вполне возможно, что профессор лишь номинально озвучил концепцию, разработанную в правительстве провинции Цзилинь и, как правдоподобно отмечается в [40], уже согласованную на самом высоком уровне — Госсоветом КНР. По-видимому, именно в связи с заслугами в деле продвижения Туманганского проекта Дин Шичен уже к 1996 г. занимал пост заместителя генерального секретаря Компартии провинции Цзилинь [65].

политической и финансовой поддержкой этой концепции, впоследствии известной как проект «Туманган».

Откликнувшись на предложение экспертов, через год, в июле 1991 г., в Улан-Баторе (Монголия) ПРООН созвала уже официальных представителей КНР, КНДР, Республики Корея и Монголии на конференцию, посвященную обсуждению субрегиональной программы для СВА, где представители организации объявили о принципиальной готовности запустить ПРРТ в качестве проекта ПРООН и выделить финансирование в форме технического содействия странам-участницам.

В августе — сентябре того же года ПРООН направила команду международных консультантов в три национальных сегмента района р. Туманной [55]. Наблюдения и выводы консультантов по итогам поездки были представлены в докладе [63], заслушанном на второй конференции ПРООН по субрегиональной программе для СВА, состоявшейся в Пхеньяне (КНДР) в октябре 1991 г.

Первоначальная концепция проекта «Туманган». Концептуально доклад консультантов базировался на идеях китайских экспертов и представлял собой их более детальную проработку и дальнейшее развитие. В докладе констатировалось наличие хороших предпосылок для создания на стыке границ трех государств в районе р. Туманной крупного международного торгово-промышленного центра на основе использования факторной взаимодополняемости экономик стран СВА и выгодного транспортно-географического положения. Были предложены три возможные модели реализации проекта [63]:

1. Организация в каждой из трех стран-участниц «национальных» специальных экономических зон и координация в той или иной форме их административных процедур и политики.
2. Создание одной специальной экономической зоны с отдельными, но координирующими свою деятельность управляющими структурами в каждом национальном секторе.
3. Создание на арендованной у стран территории единой международной специальной экономической зоны (МСЭЗ) с общим органом управления ее развитием и функционированием.

В докладе рассматривалось два уровня пространственной локализации проекта («Малая дельта» и «Большая дельта» в терминологии проф. Дина Шичена). Первый уровень — Экономическая зона р. Туманной (Tumen River Economic Zone — TREZ) — охватывал территорию в 1 тыс. кв. км в виде треугольника, вершины которого упираются в города Раджин (КНДР), Хуньчунь (КНР) и порт Посьет (Россия), второй уровень — Туманганский район экономического развития (Tumen Economic Development Area — TEDA) — распространялся на 10 тыс. кв. км с границами, расположенными в треугольнике «Чончжин (КНДР) — Яньцзи (КНР) — Владивосток» [64]. В центре треугольников на арендованной у стран территории планировалось построить новый международный город-порт (с расчетным населением около полумиллиона человек), в который вошли бы составляющими частями близлежащие к границе административные районы трех стран:

Цзинсинь (КНР), Сонбон (КНДР) и Хасан (Россия). Предполагалось, что город будет иметь особый международный статус, по аналогии с Гонконгом, Сингапуром или Роттердамом («свободный порт»). Города в вершинах «Малой дельты» как города-спутники международного порта должны были бы развиваться по модели Шеньчжэня (город-спутник Гонконга), города в вершинах «Большой дельты», или так называемые базовые города, должны были бы заимствовать модель развития открытых городов по типу Гуанчжоу, Шанхая или Даляня [66, с. 137].

Капитальные вложения в проект были оценены консультантами в 30 млрд долл. США, причем на строительство, развитие и инфраструктурное обустройство нового города предполагалось затратить 13 млрд долл., новые перевалочные мощности «свободного порта» (10 терминалов) в устье р. Туманной оценивались в 4 млрд долл., еще 1 млрд долл. планировалось вложить в строительство нового речного порта на китайской территории (Фанчуань), 9 млрд долл. стоило бы создание и улучшение прочих элементов транспортной инфраструктуры в районе. Проект рассчитывался на 20-летний период, включая 2 года — на разработки и исследования, 4—5 лет — на строительство объектов базовой инфраструктуры и 7—12 лет — на создание промышленных зон [52, с. 24].

На конференции представители ПРООН объявили о запуске с декабря 1991 г. подготовительной стадии программы технического содействия для ПРРТ, а представители стран-участниц одобрили План действий для «предынвестиционной фазы» проекта (последующие 18 мес.). План представлял собой график межправительственных консультаций по выработке оптимальных решений по поводу концепции развития, механизмов ее практического воплощения, институциональной структуры и операционных процедур ПРРТ [70, с. 117—120]. Для осуществления плановых мероприятий участники договорились создать три тематические рабочие группы (по правовым и финансовым вопросам, инвестициям и торговле, базовой инфраструктуре) и Комитет по управлению программой (КУП), в который вошли по три официальных представителя стран. Для оперативной координации чиновники ПРООН взяли на себя обязательство учредить Офис по управлению программой в своей штаб-квартире в Нью-Йорке (создан в августе 1992 г.).

На конференции в Пхеньяне впервые в качестве наблюдателей присутствовали официальные представители России и Японии, которым было сделано предложение присоединиться к ПРРТ. (Россия приняла предложение и официально вошла в состав ПРРТ в октябре 1992 г. на 2-м заседании КУП.) Там же представители стран и ПРООН подписали Программный документ для ПРРТ (для 1-й фазы ПРРТ, как станет известно позже), являющийся юридическим основанием предоставления технической помощи странам-участницам со стороны ПРООН, выделившей на программу 3,5 млрд долл. США на период 1992—1993 гг. (24 мес.), включая подготовительную стадию (фактически этот двухлетний период был продлен до октября 1994 г.).

В Программном документе ПРООН были заявлены две главные цели поддержки ПРРТ: а) запуск комплекса практических мер по содействию экономическому развитию, торговле и международному сотрудничеству в районе р. Туманной; б) разработка комплексной долгосрочной стратегии, призванной заложить правовую, институциональную и финансовую основу для развития сотрудничества в различных областях международного сотрудничества в районе р. Туманной [70, с. 10]. Сформулированные прежде консультантами три возможные модели реализации проекта в документе упомянуты не были. Озвучена была только третья модель, наиболее амбициозная и сложная во всех отношениях, — целевая для ПРРТ.

На протяжении 1992—1993 гг. состоялись три заседания КУП (Сеул, февраль 1992 г.; Пекин, октябрь 1992 г.; Пхеньян, май 1993 г.), несколько заседаний рабочих групп (в т. ч. перед заседаниями КУП) и семинаров, а также две миссии консультантов ПРООН в район р. Туманной и столицы стран-участниц Программы для сбора данных. Последовательность и содержание мероприятий, проводимых под эгидой ПРРТ, почти до конца 1993 г. в основном соответствовали принятому на Пхеньянской конференции Плану действий и рабочему плану Программного документа ПРООН, с явным уклоном в сторону цели (б). Среди наиболее важных обсуждаемых позиций и договоренностей, достигнутых в этот период в ходе межправительственных консультаций, можно выделить следующие [37; 42; 54; 61, с. 29—31; 68]:

- расширение географии Туманганского района экономического развития (Tumen Economic Development Area — TEDA) за счет увеличения его российской части до Находки и порта Восточный включительно;
- выделение еще одного пространственного уровня действия программы — Района регионального развития Северо-Восточной Азии (Northeast Asia Regional Development Area — NEARDA), охватывающего всю территорию СВА;
- рассмотрение альтернативных концепций развития и управления TREZ: вариантов А и Б и их разновидностей, включая вариант В. Вариант А соответствовал 1-й модели, а вариант Б — 3-й модели реализации проекта, предложенным ранее в докладе консультантов ПРООН. Сформулированный южнокорейскими экспертами вариант В представлял собой усеченную версию варианта Б, в которой аренда земли ограничивалась «центральный городом» («*core city*») и «трансграничными коридорами развития», соединяющими этот город и специальные экономические зоны в трех странах. Упомянулось также, что варианты не исключаются и могут реализовываться последовательно, эволюционируя от варианта А к варианту Б или В;
- достижение согласия о двухуровневой структуре управления ПРРТ,

включающей межправительственную (консультационную) комиссию из представителей всех пяти стран-участниц ПРРТ (по аналогии с КУП) на 1-м уровне, а также Координационный комитет из представителей КНДР, КНР и РФ и международную корпорацию развития TREZ на 2-м уровне¹;

- выработка четырех руководящих принципов сотрудничества: а) сохранение суверенитета за странами-участницами над территорией, сданной в аренду ПРРТ, б) заключение арендных сделок в соответствии с нормами национальных законодательств отдельных стран, в) профессиональное управление корпорацией в соответствии с общепринятыми международными стандартами и г) обеспечение максимальной привлекательности для зарубежных инвестиций;

- подготовка и обсуждение проектов межправительственных соглашений: а) о создании Корпорации развития района р. Туманной (Tumen River Area Development Corporation, TRADCO) и передаче ей земли в долгосрочную аренду и б) создании Координационного комитета ПРРТ (с участием КНДР, КНР и РФ) и Координационной и консультативной комиссии ПРРТ (с участием всех пяти стран — членов ПРРТ);

- единогласное решение о необходимости доработки проекта устава TRADCO, его обсуждения и согласования на заседании рабочей группы по правовым вопросам, запланированном на август 1993 г. На декабрь было намечено проведение 4-го заседания КУП, на котором проекты устава и межправительственных соглашений должны были быть парафированы, а после прохождения установленных национальных процедур ратификации — официально подписаны на межправительственном заседании высокого уровня (в ранге заместителей министров).

Однако этим планам и договоренностям не суждено было воплотиться в жизнь. Хотя в сентябре 1993 г. в Пекине на заседании рабочей группы тексты устава TRADCO и межправительственных соглашений были рассмотрены и предварительно согласованы [73, с. 202], именно последний квартал 1993 г. можно считать первым и наиболее значимым поворотным пунктом в истории ПРРТ, ознаменовавшим закат Туманганского проекта, в той новаторской и чрезмерно жесткой форме региональной интеграции, предло-

---

¹ Как предполагалось, эта корпорация должна была быть учреждена правительствами КНР, КНДР и России, а власти Республики Корея и Монголии могли вступить в число ее акционеров наряду с правительствами других стран и заинтересованными институциональными инвесторами (Мировой банк, Азиатский банк развития и пр.). Корпорация развития должна была получить в долгосрочную аренду участки земли в ареале TREZ и самостоятельно осуществлять оперативное управление экономической зоной на рыночных принципах, заключая контракты на выполнение строительных работ и инфраструктурное обустройство территории, взимать налоговые и другие платежи с резидентов TREZ. Координационный комитет должен был определять общую стратегию развития корпорации и базовые принципы и условия ее функционирования [37; 54].

женной китайской стороной и продвигаемой ПРООН. Следует полностью согласиться с Яном Дэвисом, исполняющим обязанности директора Туманганского секретариата в 1996—1998 гг., в том, что отсутствие сложившихся в США предпосылок для такого рода амбициозного проекта регионализации, игнорирование объективных институциональных и политических ограничений в отдельных странах-участницах и недостаточное внимание ПРООН к их актуальным практическим нуждам обрекало проект «Туманган» на скорый провал, а в лучшем случае — основательную ревизию, что и произошло в 1994 г. [43, с.11].

При каких обстоятельствах и каким образом технически произошел этот кардинальный поворот в развитии ПРРТ, по открытым источникам и имеющимся в Секретариате РТИ материалам воспроизвести достоверно не представляется возможным. Как отмечал Джон Уэйлен, бывший в то время менеджером Программы, «в октябре [1993 г.] страны-участницы анализировали возможные политические последствия подписания соглашений по сотрудничеству в районе р. Туманной, что казалось вполне естественным, поскольку программа выходила на стадию практической реализации» [72, с. 78]. Традиционно принято считать, что Россия и КНДР не поддержали усилия Китая и ПРООН по правовому и институциональному оформлению проекта, ориентированного, в первую очередь, на создание МСЭЗ в устье р. Туманной (TREZ) (см., напр.: [52, с. 25]). Однако, принимая во внимание то, что северокорейская сторона в период между 2-м и 3-м заседаниями КУП пересмотрела свое принципиальное отношение к Корпорации развития (TRADCO) и передаче ей в долгосрочную аренду земли [54; 74, с. 100], вероятнее всего, отрицательная позиция РФ стала определяющей.

Официально российской стороной озвучивались два повода для такой позиции: отсутствие у ПРРТ стратегии регионального развития как необходимого условия подписания соглашений и недостатки в российском законодательстве, в котором отсутствовали соответствующие нормы, позволяющие передачу земли в долгосрочное пользование [62]. В то же время истинные причины отказа от уже предварительно согласованного сценария развития ПРРТ, по-видимому, крылись в негативном отношении к Программе со стороны администрации Приморского края, видевшей в ней потенциальную угрозу транспортно-транзитным функциям Приморья и, в частности, перспективам развития СЭЗ «Находка», биоразнообразию уникальной экосистемы Хасанского района и экологии прилегающих акваторий Дальневосточного морского заповедника, фактическому суверенитету и контролю над частью своей территории (см., напр.: [11; 14; 56]). Сейчас вряд ли можно утверждать, что какой-то один из этих факторов оказался решающим — все они активно дискутировались в СМИ и многочисленных экспертных публи-

кациях и, по-видимому, в совокупности определили мотивацию российского демарша в отношении дальнейшего развития ПРРТ в соответствии с достигнутыми ранее договоренностями.

В пользу решающего значения оппозиции с российской стороны говорит также тот факт, что именно в Москве должно было состояться 4-е заседание КУП, отложенное в итоге почти на семь месяцев, в течение которых уполномоченным лицам на федеральном уровне, по-видимому, пришлось уже все-рез отнестись к тому, что происходило в самом дальнем от них углу страны, и рассмотреть все аргументы «за» и «против» предложенной модели сотрудничества, которых к тому времени было уже немало.

В конце 1993 г., когда чиновникам ПРООН стало ясно, что по истечении планового срока действия (24 мес.) ПРРТ не сможет достичь заявленных в Программном документе целей, они стали рассматривать вариант закрытия Программы в связи с «отсутствием конкретных шагов стран-участниц в деле укрепления регионального сотрудничества, потерей направления развития и неэффективным менеджментом Программы» [43, с. 11]¹. В декабре 1993 г. — январе 1994 г. ПРООН, решив все же продлить ПРРТ еще на год, наняла группу консультантов во главе с Грегом Хейсом, директором консалтинговой компании PDP Australia Pty Ltd. (Сидней), для предварительной оценки статуса Программы и качества ее администрирования (полная комплексная оценка так и не состоялась). В конце января — начале февраля 1994 г. в Нью-Йорке ПРООН созвала «неофициальное» заседание по проблемам ПРРТ с целью обсудить итоги промежуточной оценки и определиться с судьбой ПРРТ. Представители стран-участниц (кроме КНДР) в целом одобрили доклад консультантов и выразили готовность продолжить сотрудничество в формате ПРРТ под эгидой ПРООН на следующих условиях [43, с. 11—14; 61, с. 31—32]:

- отказ от концепции TREZ, от создания TRADCO и соответственно любой возможности передачи земли в долгосрочную аренду;
- переориентация основного пространственного фокуса Программы на «Район экономического развития р. Туманной» (Tumen River Economic Development Area — TREDA), который в отличие от TEDA включил в себя уже всю территорию Яньбянь-Корейского автономного округа провинции Цзилинь, а также включение в географический мандат ПРРТ в дополнение к TREDA трех восточных аймаков Монголии (Дорнод, Сухэ-Батор и Хэнтий);

¹ Вероятно, определенную роль здесь сыграл уход в отставку одного из самых высокопоставленных покровителей ПРРТ — помощника администратора ПРООН и главы Регионального бюро ПРООН по АТР Кришнана Г. Сингха, участника всех трех состоявшихся к тому времени заседаний КУП [74, с. 100].

- подписание в самом ближайшем будущем межправительственных соглашений о Консультативной комиссии и Координационном комитете ПРРТ, а также меморандума о взаимопонимании в области защиты окружающей среды;
- разработка и утверждение Стратегии развития для TREDA и СВА;
- реализация конкретных мер по расширению регионального сотрудничества, в первую очередь в области охраны окружающей среды и торговли.

После этого заседания компания PDP Australia Pty Ltd. была нанята ПРООН для разработки стратегии регионального развития и оказания технического содействия Офису управления программой на этапе завершения 1-й фазы ПРРТ [59].

Наконец, в июле 1994 г. состоялось 4-е заседание КУП в Москве, на котором представители стран-участниц ПРРТ¹ уже официально решили «отложить рассмотрение вопросов по аренде земли и созданию корпорации до тех пор, пока все заинтересованные страны не будут готовы вновь обратиться к этим вопросам» [39]. Более того, по требованию российской делегации любые ссылки на возможность создания корпорации развития и аренды земли в будущем были устранены из текста проектов двух межправительственных соглашений и меморандума о взаимопонимании в отношении экологических принципов, регулирующих деятельность в TREDA и СВА. Другим важным результатом этого заседания стало принципиальное одобрение странами-участницами Стратегии регионального развития для TREDA и СВА, а также отчетов консультантов по оценке перспектив развития отдельных секторов экономики региона, в т. ч. инфраструктуры, промышленности, телекоммуникаций, лесного хозяйства, туризма и др. [57].

Стратегия регионального развития. Краеугольным камнем стратегии стал принцип «постепенной гармонизации» (*progressive harmonization*), заключающийся в постепенном снижении барьеров для торговли и инфраструктурном развитии, максимально ориентированном на спрос.

Главная цель сотрудничества была сформулирована следующим образом: «ускорить темпы экономического роста и повысить ответственное благосостояние в TREDA и СВА на основе индивидуальных и совместных (двусторонних или многосторонних) усилий стран по улучшению инвестиционного климата и посредством содействия расширению региональной торговли и транзита в условиях сохранения окружающей среды региона» [57].

Предпосылками развития сотрудничества в TREDA и СВА, лежащими в основе разработки стратегии, послужили:

¹ Представители КНДР опять не смогли присутствовать на заседании, в этот раз — по причине смерти руководителя страны Ким Ир Сена. Достиженные на заседании договоренности носили предварительный характер и впоследствии были согласованы северокорейской стороной в ходе визита в Пхеньян делегации представителей ПРООН и Китая в сентябре 1994 г.

- эффективное использование сравнительных преимуществ стран за счет более тесного регионального сотрудничества;
- ориентация на долгосрочные выгоды регионального сотрудничества на основе использования единых природоохранных регламентов.

Основные принципы реализации стратегии включали:

- экономически выгодное развитие, предполагающее коммерческую целесообразность осуществления проектов развития;
- экологически устойчивое развитие, предусматривающее проведение оценки воздействия на окружающую среду при обосновании проектов развития;
- распространение эффектов сотрудничества в TREDA за границы района, в предельном случае — на всю территорию СВА.

Были сформулированы четыре направления реализации стратегии (в порядке снижения приоритетности и в редакции решений 5-го заседания КУП) [38; 43, с. 12—13]:

1. *Формирование привлекательной среды для развития торговой и инвестиционной деятельности в регионе и обеспечение экологической устойчивости этой деятельности* посредством постепенной рационализации и гармонизации налогового и таможенного режимов, систем лицензирования, контрактного права, либерализации валютных операций и торговли, природоохранного законодательства и правоприменительной практики и т. д.

2. *Привлечение инвестиций, новых технологий и облегчение доступа на рынки* на основе постепенного устранения внутривнутригосударственных и трансграничных политических, институциональных и экономических барьеров ведения бизнеса, продвижения инвестиционного потенциала региона, снижения рисков для инвесторов и пр.

3. *Улучшение инфраструктуры и качества услуг* за счет скоординированного строительства и реконструкции объектов инфраструктуры, повышения эффективности работы органов власти, внедрения лучших международных практик управления.

4. *Содействие расширению торговли* посредством постепенной гармонизации и упрощения трансграничных процедур и формальностей.

Период действия стратегии охватывал 1995—2010 гг. При этом признавались соответствующими данной стратегии не только многосторонние взаимодействия стран-участниц ПРРТ, но и односторонняя и двусторонняя деятельность, направленная на развитие сотрудничества между странами региона.

Таким образом, проект «Туманган» (или Туманганский проект), включающий создание свободной экономической зоны и корпорации развития, передачу ей земли в аренду, строительство порта в устье р. Туманной, находился в реальной повестке регионального сотрудничества в СВА лишь с середины 1990 г. до конца 1993 г.

После этого периода все упоминания о проекте «Туманган» в контексте TREZ не имеют никаких реальных оснований. В действительности хозяйственное развитие территорий, географически охваченных ПРРТ/РТИ и ранее включаемых в концепцию TREZ, осуществляется в рамках национальных приоритетов и двусторонних договоренностей. Ссылки на ПРРТ/РТИ

как «Туманганский проект» оправданы лишь в кавычках с учетом понимания всей условности обозначения механизма (формата) сотрудничества как проекта¹.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор искренне благодарен за всестороннюю поддержку и конструктивное сотрудничество во время исполнения его должностных обязанностей в Туманганском секретариате национальным координаторам РТИ В. И. Ткаченко, Ю. П. Кошевому и В. Е. Кардаш (Министерство экономического развития РФ), членам секторальных структур РТИ (Советов) А. А. Алексееву, М. Ю. Скориной и О. В. Счастливцевой (Минтранс РФ), Т. З. Алиеву и С. А. Безнасюк (Минэнерго РФ), а также Е. Ю. Томихину, С. С. Циплакову, В. П. Полякову, В. Г. Стефановичу, А. Э. Черноусову и А. П. Кузьминых (Посольство и Торгпредство РФ в КНР), И. Ю. Хрущеву, С. Г. Рыбникову и Д. А. Сотнику (администрация Приморского края), И. В. Агафонову, В. Ю. Коновалову и Е. С. Волосастову (представительство МИД РФ в г. Владивостоке), Я. Н. Семенихину, Е. М. Новосельцеву и М. В. Холоше (Дальневосточный научно-исследовательский, проектно-изыскательский и опытно-конструкторский институт морского флота), П. Я. Бакланову и В. П. Каракину (Тихоокеанский институт географии ДВО РАН), С. Ю. Вradiю (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН), С. В. Севастьянову (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса), Е. А. Симонову (Амурская программа Всемирного фонда дикой природы).

Особая благодарность — директору Секретариата РТИ в 2008—2010 гг. Н. И. Ячестовой.

Автор также благодарит В. В. Гулидова и О. В. Демину (Институт экономических исследований ДВО РАН) за помощь в подготовке материалов для статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алиев Р.* Проект «Туманган» похоронит «Большой Владивосток». Если они не сольются // Владивосток. 1992. 20 марта.
2. *Арин О. А. (Р. Алиев).* Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность М.: Флинта, Наука, 1997. URL: http://olegarin.com/olegarin/Aziatsko-tihookeanskij_region_mify_illuzii_i_realnost.html (дата обращения: 15.10.11).
3. *Бакланов П. Я., Каракин В. П.* Проект «Туманган»: гипотезы и реалии // Дальневосточный ученый. 1993. 18 ноября.
4. *Бурлаков В. А.* Проект «Туманган» и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е годы XX века. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007.
5. *Бурлаков В. А.* Проект «Туманган» как фактор современной геополитики // Теория и практика политических процессов стран АТР и Дальнего Востока России. Владивосток: ДВГУ, 1996. С. 49—53.
6. *Бутаков Я.* Как России удержать юг Приморья? Озеро Хасан — международный перекресток интересов // Интернет-газета «Столетие». 19.01.2011. URL: <http://>

¹ По аналогии Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) можно называть «Шанхайский проект», Программу развития субрегиона Большой Меконг, реализуемую под эгидой Азиатского банка развития, — «Большой Меконгский проект» и т. д., и т. п.

www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/kak_rossii_uderzhat_jug_primorja_2011-01-19.htm (дата обращения: 17.11.11).

7. Внешнеэкономическая стратегия РФ до 2020 г. М.: Министерство экономического развития РФ. Декабрь. 2008 г. URL: <http://www.economy.gov.ru/mines/activity/sections/foreigneconomicactivity/vec2020> (дата обращения: 05.12.11).

8. *Гайкин В. А.* Черный ход на материк, или Столетний юбилей проекта «Туманган» // Газета «Владивосток». 16.11.2007. URL: http://www.vladnews.ru/2244/Situacija/Chernyj_khod_na_materik_ili_Stoletnij_jubilej_projekta_Tumangan (дата обращения: 08.09.11).

9. *Гулидов Р. В.* Мифы и реалии «Туманганского проекта». Выступление на заседании Ученого совета Института экономических исследований ДВО РАН. 28 февраля 2011 г., Хабаровск. URL: http://www.ecrin.ru/images/stories/Gulidov_Khabarovsk_28042011.pdf (дата обращения: 15.10.11).

10. *Деваева Е. И.* Экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии: региональные аспекты. Владивосток: ДВО РАН, 2004.

11. *Забровская Л. В.* Проект «Туманган»: взгляд из Приморья // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 30—33.

12. *Ивасита А.* 4000 километров проблем. Российско-китайская граница / пер. с яп. М. Г. Горфункель. М.: АСТ: Восток — Запад, 2006.

13. *Ишаев В. И.* Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток: Дальнаука, 1999.

14. *Касьянов В. Л.* Экологические аспекты проекта экономического развития бассейна реки Туманной с позиции возможных изменений природной среды. Владивосток: Институт биологии моря ДВО РАН, 1998. URL: <http://www.wimb.dvo.ru/misc/trdap/doc006.htm> (дата обращения: 18.10.11).

15. Концепция внешней политики РФ. Июль 2008 г. <http://kremlin.ru/acts/785>.

16. *Коркунов И. И.* О проекте создания СЭЗ «Тумэньцзян» на территории России, Китая и КНДР // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 3. С. 13—17.

17. *Кречетова В.* Мероприятия Расширенной Туманганской Инициативы в Пхенчхане (провинция Канвондо, Республика Корея) // Пространственная экономика. 2012. № 1.

18. *Ларин В. Л.* Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х гг.: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998.

19. *Лещенко В.* Туманган — три пути для России // Интернет-газета «ДальПравда». 12.11.2007. URL: http://dalpravda.ru/2385-tumangan_tri_puti_dlja_rossii.html# (дата обращения: 23.10.11).

20. Меморандум генерала Танака Гинти. История войны на Тихом океане. Т. 1. Документы. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. С. 357—358.

21. *Михеев В. В.* Интеграционное пространство Восточной Азии и Россия // Пространственная экономика. 2005. № 2.

22. Новый импульс проекта «Туманган» // Новости Приморья: единая информационная лента СМИ Приморского края. 2010. 11 февраля. URL: <http://primamedia.pro/news/ekonomika/noviy-impuls-proekta-tumangan.htm> (дата обращения: 25.12.11).

23. О заключении Соглашения между Правительством Российской Федерации, Правительством Корейской Народно-Демократической Республики, Правительством Китайской Народной Республики, Правительством Республики Корея, Правительством Монголии и Программой развития ООН о договоренностях относительно Расширенной Туманганской Инициативы: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2008 № 1245-р.

24. Об участии Российской Федерации в реализации проекта Программы развития ООН «Программа развития бассейна реки Туманной»: пост. Правительства РФ от 17.07.1995 № 732.
25. *Осинчук С. Ю.* К оценке проекта «Туманган» // Азиатско-Тихоокеанский регион: Экономика. Политика. Сотрудничество. 1999. № 1. С. 63—67.
26. Программа развития района Туманган. Обзор на основе материалов, представленных департаментом внешнеэкономических связей администрации Приморского края. Владивосток: Институт биологии моря ДВО РАН, 1998. URL: <http://www.imb.dvo.ru/misc/trdap/doc001.htm> (дата обращения: 05.11.11).
27. Расширенная Туманганская Инициатива пройдет во Владивостоке // Информационное агентство Primamedia.Ru. URL: <http://primamedia.ru/news/14.11.2007/54247/rasshirennaya-tumanganskaya-initsiativa-proydet-vo-vladivostoce.html> (дата обращения: 13.10.11).
28. Россия и проект Туманган: Проблема экономической безопасности страны. Стенограмма заседания клуба «Содержательное единство». 14.03.1996. URL: <http://www.kurginyan.ru/clubs.shtml?cat=41&id=114> (дата обращения: 25.12.11).
29. РФ и США приглашают участвовать в Восточноазиатских саммитах на регулярной основе. Ханой. 30 октября 2010 г. URL: <http://www.interfax.ru/politics/news.asp?id=162931> (дата обращения: 10.01.12).
30. *Севастьянов С. В.* Межправительственные организации Восточной Азии: эволюция, эффективность и российское участие. Владивосток: Дальнаука, 2008.
31. Стенографический отчет о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 2 июля 2010 г. Хабаровск. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8234> (дата обращения: 09.11.11).
32. *Томихин Е. Ю.* Туманганский проект после подписания соглашений // Вестник ДВО РАН. 1997. № 3. С. 3—6.
33. *Холоша М. В., Гулидов Р. В.* Проект «Туманган»: история вопроса, текущее положение и потенциал // Пространственная экономика. 2011. № 2.
34. *Целищев И.* Восточная Азия: интеграция? // МЭиМО. 2003. № 7—8.
35. Экономическая интеграция: пространственный аспект / Под общ. ред. П. А. Минакира. М.: Экономика, 2004.
36. *Ячеистова Н. И.* Туманган: в эпицентре Северо-Восточной Азии // Деловой мир. Россия — Китай. 2008. № 1. Февраль — март. С. 30—34. URL: <http://www.rcdm.ru/?p=3942> (дата обращения: 17.11.11).
37. Aide Memoire. TRADP PMC II Meeting. October 9—11, 1992. Beijing, China.
38. Aide Memoire. TRADP Programme Management Committee Meeting V. May 29 — June 2, 1995. Beijing, China.
39. Aide Memoire. TRADP WG and PMC IV. July 11—15, 1994. Moscow, Russia.
40. *Arase D.* Economic cooperation in the region where China, Russia, and North Korea meet // JPRI Working Paper. 1999. № 53. January. URL: <http://www.jpri.org/publications/workingpapers/wp53.html> (дата обращения: 28.10.11).
41. *Bae Chong-Ryel.* Evaluation of the Development Plans Submitted by the Three Riparian Countries // Studies in Support of the Tumen River Area Development Programme. Report prepared by KIEP for UNDP Project ROK93/010. July. 1994. Pp. 87—138.
42. Conclusions. First Meeting of PMC. TRADP. 27—28 February, 1992. Seoul, Republic of Korea.
43. *Davies I.* Regional Cooperation in Northeast Asia, Tumen River Area Development Programme 1990—2000: In Search of a Model for Regional Economic Cooperation in NEA // North Pacific Policy Papers. 2000. № 4.

44. *Ferroni M.* Regional Public Goods: The Comparative Edge of Regional Development Banks. Prepared for a Conference on Financing for Development: Regional Challenges and the Regional Development Banks. 2002. 19 February.
45. GTI Review Workshops Take Place in ROK, Russia, Mongolia, and China. URL: <http://www.tumenprogramme.org/news.php?id=1132> (дата обращения: 15.11.11).
46. *Hughes C. H.* The Problems and Opportunities of Subregionalism in Northeast Asia: The Case of the Tumen River Area Development Programme // *Hiroshima Peace Science*. 1998. № 21. Pp. 23—47.
47. Institutions for regional integration: toward an Asian economic community. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2010. URL: <http://www.adb.org/documents/books/institutions-regional-integration/institutions-regional-integration.pdf> (дата обращения: 27.11.11).
48. *Ishigaki Y.* East Asia Summit featured by the First Participation of U.S. and Russia. December 31, 2010. URL: <http://www.ceac.jp/e/commentary/101231.pdf> (дата обращения: 15.09.11).
49. Japan-China-ROK Trilateral Summit. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/jck/summit.html> (дата обращения: 08.11.11).
50. *Kim Euikon.* Political Economy of the Tumen River Basin Development: Problems and Prospects // *East Asia*. 1992. Vol. 11. № 2. Pp. 35—48.
51. *Lan Lan.* FTA good for more robust growth // *China Daily*. 22.05.2011. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2011-05/22/content_12555021.htm (дата обращения: 23.10.11).
52. *Lee Chan-Woo.* Ten Years of Tumen River Area Development: Evaluation and Issues // *ERINA Booklet*. Vol. 2. February 2003.
53. *Marton A., McGee T. and Paterson D.* Northeast Asian Economic Cooperation and the Tumen River Area Development Project // *Pacific Affairs*. 1995. Vol. 68. № 1. Pp. 8—33.
54. *Meeting Minutes.* The Third Programme Management Committee. Tumen River Area Development Programme. May 9—11, 1993. Pyongyang, DPRK.
55. *Miller M., Holm A., T. Kelleher.* Draft Report on the Tumen River Project Mission. 20 Aug. — 21 Sept. 1991.
56. *Nasdratenko E. I.* Participation of the Primorsky Territory in the Tumen River Area Development Project // Summary of Presentations at Northeast Asia Economic Cooperation Conference 1996 in Niigata, Japan. Niigata: Economic Research Institute for NEA. Pp. I—2—3 — I—2—5.
57. Northeast Asia's Tumen River Economic Development Area 1994: Collected Papers. Report A—I: UNDP. New York, 1995.
58. *Pomfret R.* The Tumen Area Development Programme // *IBRU Boundary and Security Bulletin*. 1997—1998. Winter.
59. Project Summaries. PDP Australia Pty Ltd. URL: <http://www.pdp.com.au/project.aspx?RegionId=5> (дата обращения: 16.11.11).
60. Public goods for economic development. Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 2008.
61. *Rabenau Von B.* Report on TRADP Evaluation / UNDP and UNOPS. Beijing, China and Columbus, Ohio. April 2000.
62. Report for Programme Management Committee Second Meeting (PMC-II): Institutional and Financial Issues. Tumen River Area Development Programme, Beijing. October 1992.
63. Report on the Development Study in the Tumen River Area / UNDP. New York. October 1991.

64. *Shicheng Ding*. Development of the Tumen River Region and Its Effect // Proceedings of the Second International Conference of Northeast Asia Economic and Technology Cooperation. 29—30 August 1991. Changchun, China. P. 95—100. URL: <http://www.neaef.org/pubs/neaef01/04.shicheng.pdf> (дата обращения: 10.01.12).
65. *Shicheng Ding*. Progress of International Development in the Tumen River Area // Summary of Presentations at Northeast Asia Economic Cooperation Conference 1996 in Niigata, Japan. Niigata: Economic Research Institute for NEA. Pp. I—1—4 — I—1—7.
66. *Shicheng Ding*. The Conception of the Development of Tumen River Area // Proceedings of the Third Meeting of Northeast Asia Economic Forum. 25—27 August 1993. Vladivostok, Russia. P. 133—149. URL: <http://www.neaef.org/pubs/neaef03/09.Shicheng.pdf> (дата обращения: 13.01.12).
67. *Shicheng Ding*. The Future Golden Delta of Northeast Asia — Tumen River Delta. Presented at the First International Conference of Northeast Asia Economic and Technology Cooperation. 16—18 July 1990. Changchun, China.
68. *Shicheng Ding*. The Tumen River Area Development Programme: An Introduction // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Yongpyeong Conference. 26—28 September 1993. Yongpyeong, South Korea. April 1994. P. 187—199. URL: <http://www.neaef.org/pubs/neaef04/17%20Ding.pdf> (дата обращения: 12.01.12).
69. *Stephan J. J.* The Russian Far East: A History. Palo Alto: Stanford University Press, 1994.
70. Tumen River Area Development Programme (TRADP). Inter-Country Programme for North-East Asia. Project Document. RAS 92/430/C/01/31. UNDP, New York. 1991.
71. *Valencia M. J.* Economic cooperation in Northeast Asia: The proposed Tumen River scheme // The Pacific Review. 1991. Vol. 4. Issue 3. Pp. 263 —271.
72. *Whalen J. J.* Projecting the Future of the Tumen River Economic Development Area // Significance and Prospects of Regional Development and Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the 5th Meeting of the Northeast Asia Economic Forum. 16—17 February 1995. Niigata, Japan. Pp. 77—79. URL: http://www.neaef.org/pubs/neaef05/0-06_Session2.pdf (дата обращения: 26.10.11).
73. *Whalen J. J.* Status of the Tumen River Area Development Programme: Progress, Accomplishments and Remaining Tasks // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Yongpyeong Conference. 26—28 September 1993. Yongpyeong, South Korea. April 1994. P. 200—204. URL: <http://www.neaef.org/pubs/neaef04/18%20Whalen.pdf> (дата обращения: 09.10.11).
74. *Whalen J. J.* The TRADP Institutional Structure: Progression, Stages of National Commitment, and Conclusion — A Personal Commentary // Significance and Prospects of Regional Development and Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the 5th Meeting of the Northeast Asia Economic Forum. 16—17 February, 1995. Niigata, Japan. Pp. 98—104. URL: http://www.neaef.org/pubs/neaef05/0-06_Session2.pdf (дата обращения: 10.01.12).
75. *Zhu Yuchao*. The Tumen River Delta Project and Northeast Asian Regional Economic Cooperation // Issues & Studies. 1996. Vol. 32. № 3. Pp. 96—120.